
 КНИЖНЫЙ ОСТРОВ

**Вера Зубарева. Между Омегой, Альфой и Одессой: Трамвайчик-2:
Стихи разных лет. Charles Schlacrs, Jr. Publisher Idyllwild, CA. 2022. –
103 с.: ил. (Русское Безрубежье).**

Вера Зубарева уехала из Одессы во время так называемой третьей волны эмиграции — в 1989 году. Инициатива эмиграции исходила от родственников со стороны мужа. Литературовед, преподаватель русской литературы, поэт, она оказалась без знания английского языка «где-то уже на другом побережье, / С новой жизнью, с памятью прежней». Первые годы были очень тяжелыми: адаптация к новой жизни, профессиональное становление. «Страшно не то, что оставлен дом / И роздано прошлое неизвестно на чью потребу, / А то, что чувствую себя, как фантом, / Меж созвездий, расставленных по новому небу». Сегодня В. Зубарева преподает на английском языке славистику в Пенсильванском университете США. Она — литературный критик, сценарист, режиссер, автор поэтических сборников на русском и английском языках, редактор литературного журнала «Гостиная». Первая ее книга вышла уже после ее отъезда, в 1991 году — сборник «Аура» с предисловием Беллы Ахмадулиной. Дочь моряка, прославленного лоцмана Кима Беленковича, В. Зубарева родилась не просто в Одессе, а в доме, где морем жили. Покидая родные берега, свою Одессу она увезла с собой. В ее подсознании, во снах многоликий Город (именно Город с заглавной буквы, Город как живое существо) присутствует неизменно: Город заветный, Город-Веселье, Город-Гвидон. С ним она просыпается, с ним засыпает. Вторая жизнь, жизнь вне яви находит полноценное отражение в стихах поэта. Город как «любви средоточье, / Хранитель истории, / Вкусных рецептов, / Дворов со всемирно известным акцентом, / С накрытым столом / Для друзей и соседей, / С лозой над тарелками / Жоры и Феде».

Снится Город в дожде.
Снится Город в ветрах.
Отраженье в воде
Разбивается в прах.
Снится Город-туман,
Снится Город-фантом,
Хлещет море из ран,
И рассыпался дом.
Мне его не спасти.
Мне ему не помочь.
Я иду к нему каждую чертову ночь.
И врезаюсь во мглу,
И стою на ветру,

И зову
И сама рассыпаюсь к утру.

Улицы, мостовые, дома, дворы и дворики, то наполненные шумом, звуками, запахами, то притихшие, слушающие шум моря, ведут в стихах В. Зубаревой полноценную, насыщенную жизнь. «И проступает спутанность времен / В меняющем обличии пространстве». И как замечает сама В. Зубарева в предисловии, «каждый вагон моего трамвайчика полнится своими радостями и печалью, и ни один из вагонов не отцепить ни времени, ни людям». Покидая Одессу, В. Зубарева увезла с собой ценный багаж: знание русской литературы, русской поэзии, высокую культуру стиха. Поэтому в ее стихах так органичны отсылки к ритмам, строкам, мотивам Блока, Ахматовой, Цветаевой, Чехова. Стихи, что растут из души, а не из сора, «Ветер в городе, / на море шквал... / Ветер, ветер... / Где Блок, Где Бог...», путешествие в чеховскую Ялту. Подобные отсылки — не формальный прием, а имманентный вид творческого мышления. И в то же время у В. Зубаревой свой, ярко выраженный образный ряд, где природа предстает очеловеченной: дерево-дирижер, Море-Синдбад, «клюкою ветки тело подперев, / Согнулся куст над лужицей в заплатках», «нищенкой / у входа в церковь / протянула руку ветка / просит листьев хоть немного / просит жизни чуть побольше». В мае 2014 года светлая ностальгия, идиллические воспоминания сменились острым переживанием и сопереживанием трагедии, произошедшей в Доме профсоюзов. Для одесситки, живущей на другом берегу океана, происшедшее стало «куликовым ожогом». Неопалимый Город с ангелом белой акации превратился в Город-Авель. Памяти зверски убитых 2 мая в Одессе она посвятила коллективный и персональные рекевиемы, объединенные в цикл «Вход свободный». Одессе:

В оперном тишина
Исполняет рекевием для позолоченных херувимов.
Билеты распроданы. Публика сожжена,
И пепел потоком движется мимо,
Останавливаясь на Куликовом, оседая в пыли,...
Одесса в оккупации. Сорок третий...

Или 2014? Журналисту Дмитрию Иванову, что, балансируя с камерой наперевес, увидел близость земли и небес, посвящено стихотворение «Последний кадр»: «Он стоял, раскачиваясь в раме окна, / И осталась минута — всего одна / До того, как его не станет». Отдельное, страшное, погибшей беременной женщине, которая

...животом запрокинувшись к Господу,
упираясь ногами в пол,
она, выгнулась на столе,
ощущая биенье в утробе,
пока горлом шел из нее вопль,
где душа отрывалась от плоти,
а во гробе ее шевелилось замурованное дитя.

В цикл вошли и «Молитва» за упокой душ убиенных: «И пусть в полночь они не стучатся в совесть, / Не выводят свои имена на стенах / Ни огнем, ни кровью, ни крестом, ни прописью. / Упокой же, Господи, души убиенных».

И «Заклятье», адресованное убийцам.
 И чтоб каждый, кто был в тот час там с факелом
 В руках ли, в сердце, кто держал на прицеле
 Агонию тел, что ад выталкивал
 В амбразуру окна, — чтоб под ним горели
 Волны Черного моря.

Сборник композиционно выдержан: от стихов, посвященных встрече с другими берегами, через счастливые видения былой Одессы, через неизживаемую боль трагедии, к вере в будущее. «Дух Одессы, — поясняет В. Зубарева в предисловии, — проявляется не только в байке. Одесса — город жизнерадостный, но не легковесный. Люди, умеющие шутить — самые серьезные люди на свете. Это только кажется, что одесситы лихо шагают по жизни, не ведая тревог. ...Он (одессит) знает, как ценить красоту города и его историю, и не станет разрушать ни то, ни другое во имя каких бы то ни было политических воззрений или материальных выгод. В этом смысле настоящий одессит — это настоящая мать из притчи о Соломоне и двух матерях. В настоящем одессите заложена мудрость соломонова. ...Одесса — город, направленный на созидание, город радушный и открытый, но не лежащий на поверхности. Не все в нем доступно стороннему взгляду, в особенности сейчас, когда колорит легендарной Одессы пожух, ушел в подполье. Но он еще воспрянет стараниями одесситов, выйдет из своих катакомб, расцветет своим самобытным цветением». Вера поэта в будущее города отражена в заключительном стихотворении сборника:

С мостовых, как шаги Командора,
 Донесутся шаги Ришелье.
 Он сойдет с постамента, увитый
 Тогой ран и побед, чтобы в срок
 Неизвестному Одесситу
 С головы возложить венок.
 Будет пламень над городом виться,
 Как биенье живое. И в нем
 Распознают черты и лица,
 Что пытались стереть огнем.

Евгений Каминский. Пистолет-пулемет: Роман. СПб.: Союз писателей Санкт-Петербурга, 2021. — 240 с.

Сюжет романа вполне фантазийный. Во время грандиозного слета городской элиты бывший ученый-физик Андрей Андреевич, а ныне разнорабочий, получает важное задание. Из-за мелких аварийных работ надо кружным путем провести в банкетный зал двух гостей — бритоголового со сдвинутым носом и поджарого господина с лицом небожителя. Проводник, впервые попавший в обитель «херувимов, серафимов да властей с престолами», заблудился и вывел своих спутников к тюремной камере. Ради шутки зашли в камеру, заперли дверь, а выйти не смогли. Физик, крупный бизнесмен с бандитским прошлым и вхожий на самый верх государственный муж попали в западню. Шутка обернулась кошмаром. Производимый пленниками шум вывел из небытия последнего могиканина ушедшей эпохи, тюремного надзирателя Макара Максимовича (Пистолета-Пулемета), и тот двинулся на зов. Через дверной глазок «с той стороны на него уставились три пары глаз. Эти трое заговорили, перебивая

друг друга, крича друг на друга. Смысл этой отчаянной какофонии Макар Максимыч уловил сразу: задержанные пытались убедить его в том, что оказались в камере случайно... Все говорят, что не преступники, а государственные люди, элита, цвет, гордость нации». Но он старый служака знал, что попасть в камеру случайно нельзя. Напрасно бритоголовый заявлял, что может купить и эту тюрьму, и самого вертухая с поtroхами. Но купить Макара Максимыча было нельзя, как, впрочем, растрогать или запугать. «Выслушав истерику, он довольно бесстрастно произнес дежурные слова о том, что наверху во всем разберутся». Сюжет не однолинеен. Это и переживания узников, их поиски выхода из ситуации, диалоги, неизбежные конфликты между ними, смерть опустившегося бизнесмена. Это и хождения Макара Максимовича по инстанциям в надежде получить нужные директивы, ведь даже питание «заключенным» приходилось выделять из НЗ без циркуляра. Это и тайная и явная жизнь высокого начальственного лица, указаний которого домогался стражник. Гордей Гордеевич же не умничал, ничему не удивлялся, верил в систему да читал приказы, циркуляры, директивы. Параллельная линия в романе — метаморфозы, происходящие с посредственным советским писателем, отцом физика. О них сын узнает из писем матери. Евгений Каминский умело перелетает эти линии, переключая внимание читателя с одного сюжета на другой, неизменно проявляя сатирический дар, по характеру близкий Салтыкову-Щедрину. Вот Макар Максимович решил выбраться в свет и купить газету, чтобы действовать согласно передовице. И не нашел в киоске ни «Правды», ни «Известий», ни «Труда». Взял «Комсомольскую правду» и испытал шок: «аккурат из-под слова „Комсомольская“ на него смотрели толстенные, как телячья колбаса, груди какой-то разбитной бабенки. ...Именно на этом месте, где бабенка вывалила свое вымя, обычно размещалась передовая статья, отражавшая генеральную линию или как минимум указывавшая направление к справедливости». Вот человек системы, Гордей Гордеевич, всегда готовый поменять эту систему на другую, если там условия лучше, не верящий ни в Бога, ни в черта, увидев на экране телевизора гаранта конституции в православном храме, мчится в церковь, а ночью, переодевшись байкером, спешит в ночной клуб. Предельно язвительно, гротескно повествует Е. Каминский о перевоплощении Андрея Львовича из посредственного писателя, верного идеям социализма, в узника совести. Когда-то застенчивый юноша выходил к трибуне, смущаясь. Мечтал втайне о славе, но она «ходила где-то рядом, расхристанная и нагловатая, громко хоча сидела за соседнем столиком в писательском ресторане с каким-нибудь постмодернистом или эксгибиционистом и за десятилетия так ни разу и не подседа к Андрею Львовичу». В безысходной тоске и разочаровании живет отставной писатель в бревенчатом домишке, затерянном в бескрайнем море Восточно-Европейской платформы. Так и сидел бы он на табурете у окна, наблюдая за проходящими мимо «Сапсанами», что «были для него чем-то вроде телесериала: одни и те же герои перед глазами изо дня в день», если бы не счастливый случай. Некая бойкая дама просчитала, что Андрей Львович писатель хоть небольшой, но «именно советский, а это сейчас, когда ненависть ко всему советскому схлынула, а сочувственный интерес все растет», забытого писателя можно обратить в «товар», и занялась раскруткой своей «находки». Пиар идет по полной. Вплоть до того, что организуется встреча Андрея Львовича с его якобы первой потаенной любовью – скотником из совхоза, куда Андрей Львович приезжал за материалом для газеты. Естественно, на встречу приглашены все виды СМИ. Андрей Львович наконец получил славу и деньги, к чему очень скептически относится его жена. В лучших традициях русской классики Е. Каминский наполняет диалоги своих героев сущностным смысловым содержанием. Предметом их размышлений является одна из ключевых составляющих русского менталитета: справедли-

вость. О ней рассуждает мать Андрея Андреевича, в прошлом преподаватель научного коммунизма, предупреждая сына об опасностях правдоискательства. Антагонистами являются Макар Максимович и государственный человек Аркадий Михайлович. Тюремщик, человек долга, убежден, что человек должен идти вперед, к справедливости, а если сойдет с пути, усомнится – станет зверем. И маршировать к справедливости надо сплоченными трудовыми коллективами. Кредо Аркадия Михайловича: равенство и справедливость – это как раз те условия, при которых человечество вырождается. Только жесточайшее неравенство способно держать человечество на плаву, только оно дает энергию, позволяющую существовать цивилизации. Для поборника справедливости Аркадий Михайлович – «враг человеческий», которого нельзя выпускать на свободу. Выбор предстоит сделать Андрею Андреевичу: поддаться искушениям «врага человеческого» или принять пост у теряющего силы Пистолета-Пулемета. В конечном итоге Е. Каминский пишет о глубинном выборе, что стоит перед современным человеком, переводя этот выбор в экзистенциальное пространство. Земные блага или высокие идеи? И все-таки, может, «в том, что случилось с нами, когда мы на перекрестке истории повернули в сторону гастронома с дешевой распродажей, виноваты мы, каждый из нас»?

Алексей Баскаков. «Я не попутчик..»: Томас Манн и Советский Союз. М.; СПб.: Нестор-История, 2021. — 208 с.; ил.

Алексей Баскаков, сотрудник Центра Генриха и Томаса Маннов в Любеке (Германия), на основе малоизвестных архивных материалов выясняет причины и мотивы обоюдного внимания друг к другу немецкого писателя Томаса Манна (1875–1955) и советского государства. В первую очередь А. Баскакова интересуют идеологические воззрения писателя и их эволюция на протяжении тридцати с лишним лет: от Октябрьской революции до 1955 года. Поражение Германии осенью 1918 года Т. Манн, патриот и монархист, пережил как личную трагедию. Как «русский» азиатизм (дикость и склонность к анархии) воспринимал массовый террор в России. К середине 20-х годов уверовал в «устремленную в будущее» и потому глубоко позитивную социалистическую идею и стал считать большевизм «важным для мира и определяющим мировое развитие в качестве коррективного принципа». Автор прослеживает, как повлияли на трансформацию политических взглядов писателя и на его отношение к СССР взлет и падение Баварской советской республики, основанной по образцу большевистской России, гибель в 1933 году веймарской демократии, сторонником которой он стал в 1922 году. Древнегерманские культы, питавшие национал-социализм, с самого начала расценивал как атавистический рецидив, направленный против веры в разум. После прихода нацистов к власти Т. Манн, житель Мюнхена, эмигрировал с семьей из Германии сначала в Цюрих, затем в Америку. Его отношение к СССР определяла текущая ситуация. В 1929 году теория «азиатизма», возникшая в значительной мере под влиянием русской эмигрантской литературы (о чем подробно пишет А. Баскаков), была отставлена. В 1934 году Т. Манн так сформулировал свою позицию: «Я чту мир сражающегося коммунизма, но по своей сущности к нему не принадлежу». В публичных выступлениях и в печати он призывал западные демократии отказаться от антикоммунистических предрассудков и совместно с СССР выступить против общего врага. Открыто осудил Мюнхенское соглашение (1938), подчеркивал, что именно национал-социализм, а не большевизм угрожает западной цивилизации, и предлагал не искать в национал-социализме защиты от большевизма. Оба эти строя назвал «двумя враждующими

братьями», хотя и подчеркнул «моральное» превосходство последнего. Т. Манн тяжело отреагировал на договор («сговор») Молотова–Риббентропа и нападение СССР на Финляндию. Но от идеализированного образа «устремленного в будущее» социализма отказываться не стал. Почти угасшее благожелательное отношение писателя к СССР обрело новое качество в конце июня 1941 года: СССР снова стал бастионом антифашистской борьбы и надеждой немецкой эмиграции. А. Баскаков показывает, как складывались отношения писателя и советского государства. Т. Манну был интересен социалистический эксперимент, он допускал, что «диктатура во имя человека и будущего, во имя свободы, правды и справедливости» вполне возможна, но связывать себя с миром коммунизма не хотел. Он ни разу не посетил СССР, с большими колебаниями принял два приглашения посетить «советскую» Германию (Веймар — 1949 год по случаю юбилея Гёте; Шиллеровские торжества 1955 года), отказался от Сталинской премии, сочтя невозможным приехать для ее вручения в СССР. Был очень осторожен в своих политических выступлениях. Как можно понять из текста, Т. Манн серьезно опасался неприятностей в США за свои высказывания, запрета своих книг на родине и репрессий против издательства, и не напрасно. В конечном итоге удручающая атмосфера в Америке, где, как он считал, царит «фашистское насилие», вынудила его бежать оттуда в Швейцарию. Советам Т. Манн, писатель с мировым именем, нобелевский лауреат 1929 года, был важен как симпатизирующий интеллигент с мировым именем. Т. Манн выступал против гитлеровского режима, после Второй мировой войны был солидарен с Советами в борьбе за мир, его волновала монополия США на ядерное оружие, он мог выступить в пользу СССР и по частным вопросам. Так, Т. Манн опроверг появившиеся в западной печати утверждения, что советские власти устраивают «массовые расправы» в Бухенвальде. Советы «деликатно» оказывали писателю «знаки внимания»: его книги выходили в СССР хорошими тиражами, он получал гонорары. Посредником между Т. Манном и Москвой выступал немецкий писатель-коммунист Иоганнес Бехер, в 1935 году эмигрировавший в СССР. Задолго до прихода к власти Гитлера и начала эмиграции за Т. Манном внимательно наблюдали компетентные службы Советского Союза. Не позднее 1946 года в учетном секторе отдела ЦК ВКП(б) на него было заведено личное дело. За писателем, лично знакомым с президентом Рузвельтом и вхожим в высшие круги американского общества, вели слежку ФБР, Государственный департамент и военная разведка США. Эту книгу можно воспринимать не только как исследование взглядов Т. Манна в контексте его времени, но и как интеллектуальную дискуссию автора с писателем. Не разделяя некоторых взглядов Т. Манна, А. Баскаков старается их скорректировать. Он подчеркивает, что Т. Манн, который никогда не был ни в России, ни в Советском Союзе, судил о стране по сведениям из вторых рук, в том числе по литературным произведениям, а реальные негативные факты советской действительности пытался оправдать с помощью абстрактно-теоретических построений. Баскаков считает, что Т. Манн, призывавший бороться с нацизмом, но при этом с умеренной симпатией относившийся к СССР, придерживался двойных стандартов, «судил о национал-социализме по его преступлениям, а о коммунизме — по лучезарным картинам его пропаганды». Разногласий между автором и его героем множество. Баскаков утверждает, что наивные идеалистические мечты и политические фантазии писателя обусловлены тем, что тот не располагал нейтральным материалом, был несведущ в марксистском учении, многого не понимал и не помнил, был политическим дилетантом. Полемика автора и героя его исследования вполне вписывается в современный контекст.

**Майкл Уайт. Беседы с Исааком Ньютоном. Предисл. Б. Брайсона.
Пер. с англ. К. Льоренте. М.: Колибри, Азбука-Аттикус. — 112 с.**

«Пожалуй, ни один другой великий человек в истории не был так труден для понимания, как Исаак Ньютон. Тому есть две причины — сложность его научных работ, а также секретность и самая настоящая странность, окружавшие его жизнь. Этот человек прожил три десятка лет ученым-отшельником в Кембридже, в высшей степени отрешенным от мирских дел, а затем, в достаточно пожилом возрасте, стал знаменитым публичным деятелем и, можно сказать, возмутителем спокойствия в Лондоне. Он раскрывал фундаментальные тайны Вселенной и в то же время увлеченно занимался алхимией и странными религиозными исканиями. Он был готов тратить годы на ожесточенную борьбу за приоритет открытий и вместе с тем так мало заботился о продвижении своих научных взглядов, что его самые удивительные открытия иногда десятилетиями оставались под спудом. Короче говоря, перед вами человек, который почти сознательно закрывался для других и оставался непостижим. Более закрытого человека, наверное, не было на Земле. Так что нам повезло, что у нас есть эта книга, в которой Майкл Уайт искусно вызывает к жизни эту удивительную личность и представляет нам многочисленные необдуманные поступки и своенравные высказывания Ньютона таким образом, что они кажутся почти обоснованными и разумными. А самое главное, Уайт представляет нам наиболее дерзкие научные концепции Ньютона так, что они кажутся нам вполне логичными и совершенно понятными. Ему удалось передать возбуждение, удовлетворение и убедительную красоту научного открытия», — пишет в предисловии к книге популярный американский писатель Б. Брайсон, автор «Краткой истории почти всего на свете». «Беседе» с Ньютоном М. Уайт предпослал краткую биографию ученого. Общеизвестно: Исаак Ньютон (1642–1727) — математик, физик, астроном, механик, которому нет равных по уровню влияния на современный мир. Он сформулировал закон всемирного тяготения — теория всемирного тяготения была совершенно оригинальной концепцией, объясняющей одну из главных сил, действующих в мироздании. Создал совершенно новую теорию света; разработал дифференциальное и интегральное исчисления, что произвело революцию в математике; изобрел телескоп-рефлектор, с помощью которого было произведено огромное количество важных астрономических открытий. Он так много работал, что часто недоедал и недосыпал. Менее известно, что, пережив в 1693 году нервное расстройство (возможно, отравился ртутными препаратами во время своих алхимических опытов, возможно, в результате переутомления наступило умственное и физическое истощение), после выздоровления Ньютон окончательно оставил научные эксперименты, покинул Кембридж и стал сначала хранителем, а затем управляющим Королевского монетного двора в лондонском Тауэре. Был безжалостен по отношению к фальшивомонетчикам и расхитителям государственных средств, к «обрезателям», отрезавшим края серебряных и золотых монет. С 1703-го по 1727 год председательствовал в Лондонском королевском обществе и превратил его из клуба дилетантов в выдающуюся научную организацию. Основу книги составляет вымышленная беседа между М. Уайтом и Ньютоном. Обстановку, в которой она состоялась, предоставляется право домыслить читателю, но предполагается, что это последний этап жизни Ньютона, когда он уже может размышлять о своих достижениях и основных событиях своей жизни. «У Ньютона был нелегкий характер, он был часто неприятен и недружелюбен в общении и поэтому имел очень мало друзей. Он всегда целиком полагался на собственное суждение, и заслужить его уважение было трудно, — предвещает беседу М. Уайт. — Вероятно, он неохотно пошел бы на такой разговор, который представлен

здесь вашему вниманию, но тем не менее ему все-таки хотелось, чтобы другие люди знали о тех выдающихся способностях, которыми он обладал». В воображаемом разговоре обсуждаются четырнадцать тем: детство, начало пути, главные научные авторитеты для Ньютона (Архимед, Галилей), секретные занятия алхимией; другая вера Ньютона — отрицающее Троицу арианство, что в Англии XVII века считалось ересью и было вне закона. Обсуждаются также три закона движения, всемирное тяготение, природа света. «Говорят» об очень личном. О психологической травме, перенесенной Ньютоном в детстве: его мать, овдовев еще до рождения сына, вышла замуж снова и уехала, оставив трехлетнего сына родителям. По мнению Уайта, эта «рана детства» и определила особенности «нелегкого» характера ученого. М. Уайт выясняет, чем были вызваны острые конфликты Ньютона с современниками-учеными, в первую очередь с Р. Гуком, одним из отцов экспериментальной физики, и с Г. Лейбницем, философом и математиком. Ответ Ньютона: «Разумеется, была общая причина для всех споров и ссор в моей карьере: я был прав, а набитые дураки, которые выступали против меня, неправы! Что тут еще можно сказать?» И все-таки есть что. Оказывается, Гук недооценил учение Ньютона относительно природы света, а Лейбниц (ожесточенная вражда с ним длилась 40 лет) «просто вор, который украл у Ньютона его исчисления и математический анализ». М. Уайт выясняет, какую роль в фундаментальных теориях Ньютона сыграли его увлечения алхимией, оккультными науками, астрологией, нумерологией, философией дохристианских мыслителей. Ньютон верил, что уникальные знания и мудрость древних философов, ассирийских и вавилонских мистиков, а также ветхозаветных пророков откроют ему путь к секретам мироздания. Три фактора: математика, алхимия, мудрость древнего мира, по словам Ньютона, привели его к осознанию всемирного тяготения. Правда ли история с яблоком? Ответ на этот вопрос Ньютон не дает. Зато подробно рассказывает о том, как он воссоздал архитектурный план храма Соломона. «Образ огня в центре храма, с учениками вокруг этого пламени, способствовал формированию моей концепции всемирного тяготения». Неожиданный Ньютон, ученый и человек.

Публикация подготовлена
Еленой ЗИНОВЬЕВОЙ

Редакция благодарит за предоставленные книги
Книжную Лавку Писателей
(Санкт-Петербург. Невский пр., 66, т. (812) 640-44-06,
www.lavkapisateley.spb.ru)

Архимандрит Августин (НИКИТИН)

ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, ПЕТРА ТВОРЕНЬЕ!

Часть 6

ХРАМЫ «ЛИТЕЙНОЙ ЧАСТИ»

Церковь Симеона и Анны

«Справа от Адмиралтейского острова на северо-восточном, левом берегу Невы, в этой самой сухой и высокой и вследствие своего положения наиболее безопасной при наводнениях части города Петр Великий в 1711 г. построил Литейный двор. В 1712 году была построена — в этой части города — деревянная церковь св. Симеона»¹, — пишет Генрих фон Реймерс. Первая деревянная церковь на этом месте заложена в 1712 году и освящена в 1714 году в честь рождения дочери Петра I — Анны. И поэтому церковь Симеона и Анны близ берега реки Фонтанки была тезоименитским храмом императрицы Анны Иоанновны.

«Столица в царствование Анны чрезвычайно выиграла в части украшения, — продолжает фон Реймерс. — Многие общественные здания, например, Литейный двор в 1733 г. и в особенности русские церкви, которые вначале были деревянными, теперь выстроены в камне. К их числу относятся церкви св. Симеона на Пушечном дворе (в 1733 г.), там же в следующем году заложена церковь св. Пантелеймона»².

Церковь Симеона и Анны была построена в период с 1728-го по 1734 год по проекту архитектора М. Г. Земцова. В сооружении храма принимал целый ряд иностранных специалистов. Помощником Земцова на строительстве церкви был Иоганн Фридрих (Иван Яковлевич) Бланк (1708?—1745). Он происходил из старинного французского рода; его дальние предки были гугенотами, которые из-за религиозных притеснений эмигрировали в Саксонию. (Отец архитектора Якоб Бланк перебрался в Россию вместе с группой саксонских мастеров, нанятых Петром I для работы в промышлен-

---

Архимандрит Августин (в миру — Дмитрий Евгениевич Никитин) родился в 1946 году в Ленинграде. Окончил физический факультет Ленинградского государственного университета. В 1973 году принял монашеский постриг с именем Августин. Пострижен в монашество митрополитом Никодимом в Благовещенской церкви его резиденции в Серебряном Бору в Москве. В 1974 году рукоположен во иеродиакона и иеромонаха. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, преподаватель, доцент Санкт-Петербургской духовной академии.

¹ Реймерс Генрих фон. С.-Петербург в конце своего первого столетия. СПб.: Росток, 2007. С. 93.

² Там же. С. 156.

ности.) Лепку храмового интерьера осуществил тессинец Иньяцио Лодовико Росси. Над южным порталом церкви красуется картуш с личным гербом императрицы Анны Иоанновны. 27 января 1734 года состоялось освящение новой трехпрядельной каменной церкви с 47-метровой колокольной. Шпиль колокольни сооружен голландским мастером Германом ван Болесом. Четырехъярусный резной иконостас по рисунку архитектора исполнил немецкий резчик Конрад Ган.

В январе 1938 года церковь была закрыта, ее имущество и убранство разграблены, а помещение приспособлено под склад. В 1951–1954 годах здание было отреставрировано, в 1980-х годах приспособлено под метеорологический музей. С весны 1991-го в храме, частично возвращенном верующим, начаты богослужения. Освящение храма митрополитом Иоанном (Снычевым) состоялось 1 января 1995 года.

Пантелеимоновская церковь

«В 1718 г. на левом берегу Фонтанки было закончено строительство Пантелеймоновской церкви, еще деревянной»³, — пишет Генрих фон Реймерс. Но это была не церковь, а часовня во имя Св. Пантелеймона (в день его памяти, 27 июля по старому стилю, русский флот в 1714 году одержал победу над шведским флотом при Гангуте и в 1720 году — у острова Гренгам). Эта часовня была устроена Петром I близ источника Фонтанки, против Летнего сада, для рабочих Партикулярной верфи. А в 1722 году состоялось освящение мазанковой церкви (архитектор Николай Гербель) того же посвящения, заменившей часовню. (Николай Федорович Гербель (нем. Nicolaus Friedrich Härbel; ум. 1724) — один из первых архитекторов Санкт-Петербурга. В Петербург Гербель прибыл из Швейцарии в 1719 году и вскоре стал первым городским архитектором.)

Мазанковая церковь была разобрана; в своих записках фон Реймерс упоминает про два храма: «К их числу относятся церкви св. Симеона на Пушечном дворе (в 1733 г.), там же в следующем году заложенная церковь св. Пантелеймона»⁴. Каменный храм Св. Пантелеймона был построен в 1735–1739 годах; снаружи он был украшен тосканскими пилястрами. Новая церковь была освящена в храмовый праздник, 27 июля (7 августа) 1739 года, епископом Вологодским Амвросием. В 1833–1834 годах напротив храма жил Александр Пушкин, часто бывавший здесь на службе. В 1834–1835 годах здание было перестроено в стиле позднего ампира архитектором Викентием Беретти.

Викентий Иванович (Савелий-Иосиф-Антоний) Беретти (1781, Дамазо-де-Урбе, Рим — 1842, Киев) — сын уроженца Италии Джованни Беретти, профессора механики, переехавшего в Россию в 1780-е годы. Викентий Беретти — архитектор, академик архитектуры и профессор Императорской Академии художеств. Занимал должность городского архитектора в Санкт-Петербурге. В 1809 года получил степень академика архитектуры за проект Сухопутного кадетского корпуса. С 1830 года член Комитета по постройке Исаакиевского собора.

Храм неоднократно расширялся: в 1875 году со стороны современной улицы Пестеля архитектор Василий Геккер переделал притвор, устроив в нем часовню,

Вильгельм (Василий Федорович) фон Геккер (1828–1902) родился в Санкт-Петербурге в семье коллежского советника, преподавателя немецкого языка Теодора фон Геккера и его супруги Шарлотты (урожд. Collins). Общее образование получил в гимназии — Главное немецкое училище Св. Петра (1836–1846). С 1867-го по 1873 год работал участковым архитектором, затем городским архитектором Санкт-Петербурга

³ Там же. С. 85.

⁴ Там же. С. 156.

(1874—1883). Скончался в 1902 году в Висбадене (Германия). Похоронен в Санкт-Петербурге на Смоленском лютеранском кладбище.

В 1895—1896 годах архитектор Иван Михайлович Гольмдорф пристроил придел св. Феодосия Черниговского и перестроил паперть Пантелеймоновской церкви.

Фон Гольмдорф — von Holmdorff — остзейский дворянский род, семья немецко-балтийской знати немецкого происхождения из Видземской провинции Российской империи. Среди наиболее известных членов семьи: архитектор Иоганн фон Холмдорф (Иван Михайлович Гольмдорф, 1865—?).

В 1914 году по инициативе Императорского Русского военно-исторического общества на фасаде Пантелеимоновской церкви были укреплены мраморные мемориальные доски с перечнем полков, сражавшихся при Гангуте и Гренгаме.

С 1922 года и до закрытия в 1936 году приход принадлежал «обновленческому» структурам; церковь находилась в непосредственном ведении лидера обновленцев Александра Введенского. С 1980 года храм находился в ведении Музея истории города, там размещалась выставка «Гангутский мемориал». В 1991 году церковь возвращена епархии; с праздника Крещения Господня 1994 года в храме регулярно совершаются богослужения.

Храм преподобного Сергия Радонежского

Осенью 1711 года, на Московской стороне в районе въезда на современный Литейный мост началось строительство Пушечного (Литейного) двора. В непосредственной близости от него по инициативе генерал-фельдцейхмейстера (начальника артиллерии) Я. В. Брюса были отведены три линии для проживания служителей артиллерийского ведомства (современные Шпалерная, Захарьевская и Чайковского улицы). А через 20 лет здесь появился первый деревянный храм, о чем пишет Генрих фон Реймерс: «Еще в 1731 г. здесь была выстроена деревянная церковь во имя св. Сергия, которая в 1738 г. сгорела и в 1739 г. была возобновлена также деревянной»⁵.

Деревянная церковь была отстроена в 1739 году по проекту И. Я. Шумахера и существовала до 1743 года, после чего под руководством того же архитектора начались работы по возведению каменного храма.

Шумахер Иоганн Якоб, Иван Яковлевич (Schumacher, Johann Jacob, 1701, Кольмар, Эльзас — 1767, Санкт-Петербург) — архитектор немецкого барокко. С 1720 года работал в России. Изучал архитектуру под руководством Н. Ф. Гербеля; много строил в Петербурге, в 1733—1738 годах построил новое каменное здание Литейного двора.

«После того как церковь была переведена на другое место, неподалеку от прежнего, при Елизавете I в 1743 г. был выделен земельный участок для каменной церкви св. Сергия, и она была освящена 24 сентября 1746 г.; на этой церемонии присутствовала сама императрица»⁶, — отмечает фон Реймерс.

Вновь созданная каменная церковь с одноярусной колокольной действовала до конца XVIII века, когда на ее месте архитектором Ф. И. Демерцовым был возведен храм в виде базилики с тремя приделами, двухъярусной колокольной и большим куполом. «Новый кафедральный собор и главная церковь всей артиллерии (покровителем которой является св. Сергий), что стоит на Большой Литейной улице недалеко от Арсенала, рядом с Артиллерийской экспедицией, и в основание которой Екатерина II 25 сентября 1796 г. заложила камень, торжественно освящена его преосвященством митрополитом Новгородским и Петербургским Амвросием при Павле I 5 июля 1800 г., —

⁵ Там же. С. 341.

⁶ Там же.

продолжает фон Реймерс. — Инспектором всей артиллерии был тогда генерал и кавалер Корсаков. Имя строителя этой церкви св. Сергия, украшенной стройным порталом и куполом хороших пропорций, — Демерцов»⁷.

Внутреннее убранство храма отличалось «простотой и строгим изяществом». Его стены украшали изображения евангелистов и картины, посвященные сюжетам из жизни преподобного Сергия Радонежского. В соборе хранились реликвии, связанные с историей русской артиллерии, а также церковные облачения, сшитые из мундиров императрицы Екатерины II, в которых она принимала военные парады. При храме действовало приходское Сергиевское братство со школой и приютом для призрения бедных детей, проводились духовные беседы, имелся народный хор⁸.

«Эта старая каменная церковь стоит и поныне позади новой церкви св. Сергия, — отмечал фон Реймерс в 1805 году. — Указом от 17 декабря 1803 г. инспектору артиллерии генералу графу Аракчееву император подтвердил права Сергиевской церкви, и со времени этого указа она получила имя собора всей артиллерии»⁹.

...В 1932 году Сергиевский собор был закрыт и через некоторое время разобран. Часть несущих стен использовалась при строительстве на месте собора административного здания ОГПУ, получившего среди горожан неофициальное название «Большой дом». Ныне в нем располагается информационный центр Главного управления МВД, его приемная, а также приемная управления ФСБ по Петербургу и Ленобласти. В 2004 году на здании установили мемориальную доску в память о существовавшем здесь «артиллерийском» храме¹⁰.

ЦЕРКОВЬ ЗИМНЕГО ДВОРЦА

Одно из первых сообщений о дворцовой церкви в резиденции российских императоров относится к 1720 году. Польский дипломат, находившийся в Петербурге в это время, сообщает о том, что во дворцовой церкви «показывал царь люстру на 9 свечей из слоновой кости, висящую у великого алтаря, которую царь сделал своей рукой»¹¹.

К этому времени видное место при дворе занял Петр Сапега (1701—1771, сын великого гетмана Литовского Яна Сапеги), а после смерти Петра I он приобрел благосклонность императрицы Екатерины I, став одним из ее фаворитов. 10 марта 1726 года Петр Сапега получил звание действительного камергера, а 12 (24) марта архиепископ Феофан Прокопович в присутствии всего двора обручил его с Марией Меншиковой. Вот что сообщается об этом в путевом дневнике (диариуше) польского посольства.

22 марта, воскресенье. В этот день должна была состояться церемония главного обручения его милости старосты Здзитовского¹² с ее милостью княжной Меншиковой в присутствии ее императорской милости и всей фамилии, а также присутствующего здесь Сената. К этому во дворце его княжеской милости снаружи и изнутри ведутся все приготовления.

24-го того же месяца. В четыре же часа пополудни, когда должны были съезжаться во дворец его княжеской милости на упомянутую церемонию, теперешний его

⁷ Там же.

⁸ Манойленко Анна, Манойленко Юрий. Собор всей артиллерии // Санкт-Петербургские ведомости № 109 (5482), 19.06.2015. С. 5.

⁹ Реймерс Генрих фон. Указ. соч. С. 341.

¹⁰ Манойленко Анна, Манойленко Юрий. Указ. соч. С. 5.

¹¹ Петербург в 1720 году. Записки поляка-очевидца // Русская старина, 1879. Т. 25. С. 287.

¹² Сын Я.-К. Сапеги Петр Сапега (1701—1771).

милость господин фельдмаршал отправился туда в обществе других их милостей. И все находившиеся в зале и в иных покоях ожидали прибытия ее императорской милости. Она только в семь часов выехала от своего дворца в сопровождении кавалеров и дам. Ее императорская милость пошла, сопровождаемая одними дамами, в покои ее милости княжны, среди сопровождавших в это время находилась и сама ее милость княжна. Вскоре ее императорская милость в том же сопровождении вновь вошла в залу, а за ней ее милости герцогиня Голштинская и цесаревна, ведя ее милость княжну Меншикову, виновницу этого торжества. Встав там посередине, ее императорская милость взяла у молодых кольца и, обменяв, надела им на пальцы. Присутствовавший здешний архиепископ, прочтя краткую молитву, благословил их святым распятием¹³.

Однако свадьба Марии с Петром Сапегой откладывалась, Меншиков задумал выдать дочь за наследника престола великого князя Петра Алексеевича. Императрица Екатерина I, обязанная многим Меншикову, была согласна. Она предложила Петру Сапеге в жены свою племянницу, графиню Софью Карловну Скавронскую, их свадьба состоялась уже после ее смерти 19 ноября 1727 года.

Подробные сведения о дворцовой церкви сообщает К.-Р. Берк, живший в Санкт-Петербурге в 1735–1737 годах. «При Петре Первом не имелось дворцовой церкви, так как сам он обычно посещал городские церкви, особенно Троицкую и Исаакиевскую. Для его супруги и семьи был при дворе зал, в котором служили мессы¹⁴, — пишет шведский ученый. — При строительстве же этого нового дворца подумали о приличной придворной церкви. Она невелика, но хорошо украшена живописью и скульптурой. Плафон представляет крещение Христа, а по бокам две другие библейские истории, также четыре портрета отцов греческой (православной. — *Авт.*) Церкви. Над средней дверью к хорам изображена Тайная Вечеря, а по сторонам — Вознесение Христово, Его жертвование в храме и т. д. На четырех маленьких картинах изображены апостолы, объединенные по трое, с их мученическими символами. Кафедра соответствует размерам церкви и совсем неплоха, она расположена напротив трона Ее В-ва, представляющего собой помещение, построенное рядом с церковью; в нем большие окна и стеклянные двери, благодаря чему оттуда хорошо видно и слышно богослужение. Певцы в этой церкви — и большие, и маленькие — обладают красивыми головами и все облачены в красивые польские одежды»¹⁵.

Шведский ученый не ограничился описанием интерьера дворцовой церкви; он сообщает также о церемонии, имевшей место в этом храме в день ордена Св. Андрея Первозванного. «До 20 марта 1699 года в России рыцарей не было, пока Петр I не учредил орден св. Андрея¹⁶ — прежде всего для вознаграждения отличившихся храбростью в турецкой войне¹⁷ или вообще имевших значительные заслуги перед государством»¹⁸, — пишет К.-Р. Берк. Далее шведский автор приводит подробное описание

¹³ Диариуш пути из Вильно в Петербург и пребывания в нем его светлейшей милости господина Сапегы, старосты Бобруйского, а теперь фельдмаршала российских войск // Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л.: Наука, 1991. С. 203–204.

¹⁴ Литургии (*Прим. авт.*).

¹⁵ Берк Карл Рейнхольд. Путевые заметки о России // Беспятых Ю. Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 142.

¹⁶ Орден Св. Андрея Первозванного был учрежден Петром I, по-видимому, в 1698 году.

¹⁷ Имеются в виду Азовские походы 1695 и 1696 годов против турок; в июле 1696 года была взята крепость Азов в устье Дона. Война продолжалась до 1700 года, когда было заключено перемирие на 30 лет. См. там же. С. 147, примеч. 136.

¹⁸ Там же. С. 146.

ордена Св. Андрея Первозванного¹⁹, а затем переходит к описанию чинопоследования придворной церемонии.

«В дни ордена (а именно в день Андрея, а также в день Петра и Павла — в память об учредителе) Ее В-во носит такие же, как у рыцарей, мантию и цепь, на голове свою маленькую камер-корону и над левым ухом султан из трех маленьких перьев, по цвету подобных вышеупомянутым. На императрице также *андриена*, или роба из золотой парчи, и юбка из серебряной парчи. Процессию в придворную церковь открывает придворный штат, затем идут рыцари — впереди младшие, потом старшие, все с шапочками на головах. Последней идет императрица с генерал-адъютантами и гоф-дамами, которые следуют за нею. Рыцари-протестанты могли бы вернуться от дверей церкви, но охотно входят внутрь, поскольку их не принуждают к исполнению каких-либо обрядов <...>

Посвящение в рыцари происходит либо в придворной церкви, либо в комнатах ее в-ва. Кандидат опускается на колени, ее в-во опоясывает его лентой, которую на серебряном блюде подает государственный вице-канцлер граф Остерман; звезду же дают в руку, и первые присутствующие дамы прочно прикрепляют ее иголками на время, пока новый рыцарь не придет домой»²⁰.

Дворцовая церковь была неотъемлемой принадлежностью царской резиденции. Как и в других главных храмах Петербурга, там совершались богослужения, связанные с самыми важными событиями в истории России.

В 1735 году Россия объявила войну Турции в ответ за набеги крымских татар на русские земли. В ходе Русско-турецкой войны (1735—1739) капитулировала турецкая крепость Хотин, вскоре была занята большая часть Молдавии²¹. «Начало 1740 года было примечательно великолепнейшим торжеством (какового никогда в России не бывало) по поводу заключенного между сею империею и турками мира, — сообщал граф Иоганн Эрнест Миних (Сергей Христофорович Миних). — Четырнадцатого числа февраля рано поутру съехались ко двору все знатные обоего пола особы первых пяти классов. По окончании литургии в придворной церкви архиепископ Новгородский говорил приличную сему торжеству речь, в которой не оставил приписать похвалы и отцу моему²². Потом двое герольдов выступили на середину церкви, и один из них читал печатный манифест о мире. За сим началось благодарственное молебствие, по окончании которого оба герольды поехали на лошадях в знатнейшие места города для обнародования мира и там кидали в народ золотые и серебряные жетоны»²³.

Эрнст Миних не упоминает имени императрицы Анны Иоанновны; она скончалась в октябре того же 1740 года. После дворцового переворота, в 1741 году был вместе с отцом осужден, лишен чинов и поместий и сослан с семьей в Костромскую губернию, а в 1743 году — в Вологду, где и пробыл в ссылке 20 лет, вплоть до смерти императрицы Елизаветы Петровны.

Вот что сообщал из Петербурга один из французских дипломатов в «Реляции о перевороте, происшедшем в России 6 декабря 1741 года»: «В 4 часа пополудни импера-

¹⁹ Там же. С. 146—147.

²⁰ Там же. С. 147—148.

²¹ Эта победа была воспета Ломоносовым в его первой оде, которая считается первым поэтическим опытом в русской литературе.

²² Граф Бурхард Христоф фон Мюнних (нем. Burkhard Christoph von Münnich, в России был известен как Христофор Антонович Мйних; 1683—1767) — российский генерал-фельдмаршал немецкого происхождения, подполковник Преображенского лейб-гвардии полка (с 1739 года за победу над Турцией). Отец мемуариста Иоганна Эрнста Миниха.

²³ Эрнст Миних. Записки // Безвременье и временщики. Воспоминания об «Эпохе дворцовых переворотов» (1720-е — 1760-е годы). Л., 1991. С. 152.

трица (Елизавета. — *Авт.*) заняла дворец при пушечной пальбе и восклицаниях бесчисленного народа. Служили там благодарственный молебен и велели привести к присяге гвардейцев, которые и приходили ко дворцу поротно»²⁴.

Так начиналось правление Елизаветы Петровны. О том, как оно закончилось, сообщает «шведский пленник» — граф Гордт. Освобожденный после смерти императрицы из Петропавловской крепости, он был приглашен во дворец и даже побывал в зале, где находился гроб с телом усопшей. Впоследствии граф писал об этом дне: «Два дежурных офицера в полковых мундирах занимали места на первых ступенях, а на последних, против ног покойной, стоял один из архимандритов и громко читал Псалтирь, пока не сменял его другой. Чтение это не прерывается даже ночью»²⁵. Во дворце шведский гость присутствовал за богослужением; во время литургии он находился на хорах, где имел встречу с наследником престола — Петром III: «Большая часть особ, собравшаяся в галерее, пошла в церковь, а меня Корф провел на хоры, — пишет Гордт. — Государь несколько раз приходил туда, чтобы поговорить со мною»²⁶.

Новое здание дворца в Петербурге было заложено в 1754 году, во время царствования Елизаветы Петровны, по проекту архитектора В. В. Растрелли. Царский двор переселился в Зимний дворец в 1762 году. Тогда же там была устроена и освящена (6 апреля) придворная соборная церковь во имя Воскресения Господня. В следующем 1763 году при перенесении в дворцовую церковь древнего образа Христа Спасителя на убрусе этот храм был снова освящен, на этот раз в честь образа Спаса Нерукотворенного²⁷.

3 декабря 1768 года в дворцовой церкви было совершено богослужение по случаю избавления императрицы Екатерины II и великого князя Павла Петровича от оспы, ради чего они были приняты доктором Димсдейлом²⁸.

«В октябре 1768 г. императрица подала подданным своей империи великий, доселе невиданный пример, — пишет фон Реймерс. — В детстве она не болела оспой, и, чтобы ввести в обычай прививки против нее в своей стране, она позволила доктору Димсдейлу, которого ради этого пригласила из Англии, сделать себе эту прививку. Сразу же после этого проведенного над собой опыта она велела сделать прививку своему единственному сыну, наследнику и великому князю. После того как монархиня показала этот великий пример и люди все больше и больше убеждались в пользе прививок, этот обычай распространился на отдаленнейшие провинции. Даже церковь через священников рекомендовала это средство, во время ежегодных праздников прививкам от оспы представлялась хорошая возможность»²⁹.

Уильям Ричардсон, присутствовавший за богослужением в дворцовой церкви, описывает это событие.

Церемония была торжественная в великолепная. На каждой стене часовни, очень высокого и просторного помещения Зимнего дворца, находится ряд позолоченных ионических опор. Стены покрыты яркими и плохо написанными изображениями русских святых. На кровле над алтарем³⁰ в образе старика в белом одеянии представлен Всевышний. Внутри решетки, которая тянется через всю комнату и завершается опорами, ближними к алтарю, на южной стороне стояли императрица и ее сын; также за решеткой и с каждой стороны алтаря находился хор музыкантов. Все

²⁴ Маркиз де ля Шетарди в России (1740 — 1742). СПб., 1862. С. 402.

²⁵ Плен графа Гордта в России (1759—1762) // Русский архив, 1877. Кн. 2, № 5—8. С. 318.

²⁶ Там же. С. 314.

²⁷ Лавры, монастыри и храмы на Святой Руси... С. 91.

²⁸ Димсдейл Томас (1712—1800) — английский врач-оспопрививатель, в 1768 году приглашенный в Россию с целью развития оспопрививания; оставил воспоминания о пребывании в России.

²⁹ Реймерс Генрих фон. С.-Петербург в конце своего первого столетия. СПб.: Росток, 2007. С. 211—212.

³⁰ Или, скорее, над местом, которое в английских церквах относится к алтарю (*Прим. У. Ричардсона*).

остальные присутствующие или принимавшие участие в торжестве, за исключением священников, стояли снаружи ограждения.

Церемония началась торжественной музыкой, и затем были произнесены молитвы и совершены возгласения, занявшие первую часть службы. Она продолжалась некоторое время, когда две дверцы³¹ рядом с алтарем распахнулись наружу и открыли великолепное зрелище внутренности самой святой части часовни. Напротив нас находилась большая картина *Снятия с креста*, с каждой стороны от нее — по ряду позолоченных ионических опор, в центре — стол, покрытый золотой тканью, а сверху стола были распятие, подсвечник с горящими свечами и чаши со святой водой. Большое количество почтенных седовласых священников с густыми бородами в митрах и дорогих облачениях стояли в торжественном порядке на каждой стороне этого великолепного святилища. Все напоминало иерусалимский храм.

Со своего места выдвинулся священник, «медленным и торжественным шагом» несущий зажженную свечу; точно так же за ним последовал другой, читающий молитвы и несущий курильницу с горящими благовониями. Приближаясь к Ее Величеству, он три раза взмахнул перед ней курильницей; государыня же сгибалась в поклонах и изящно крестила свою грудь. За тем священником шел другой, несший Евангелие; прочитав некоторую его часть, он поднес его императрице, и та его поцеловала.

Затем священники удалились, дверцы закрылись, хористы пропели гимн, им со всех сторон вторили музыкальные голоса; музыка была низкой тональности и безупречной. Дверцы снова открылись, и церемония со свечой и курильницей повторилась; выдвинулись два священника, которые несли хлеб и вино евхаристии, покрытые золотой тканью. Сделав все, они удалились. Дверцы закрылись, и торжественная музыка закончилась.

Дверцы открылись в третий раз, и все повторилось; священник взшел на кафедру, закрепленную на опоре напротив императрицы, и начал проповедь. В ней он славил ее твердость и великодушие и воспользовался случаем, чтобы заметить, что «русские получили поддержку от Британии, острова мудрости, смелости и добродетели». После этого несколько священников вышли из внутренней части часовни и завершили службу молитвами и возгласениями³².

В дворцовом храме совершались такие обряды, которые не были предназначены для широкой публики. Так, 25 сентября 1776 года здесь состоялось присоединение к Православной церкви принцессы Виртемберг-Штутгартской — второй невесты вдовствовавшего великого князя Павла Петровича, нареченной при святом миропомазании Марией Феодоровной³³. Чин присоединения совершал митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Гавриил (Петров). Вот как описывал это событие французский посланник М.-Д. Корберон: «Сегодня принцесса Виртембергская отказалась от протестантизма и перешла в греческую веру. Церемония назначена была в 10 ч. утра, и мы с маркизом отправились ко Двору. Через полчаса императрица проследовала в церковь, а за нею шел великий князь, под руку с принцессой. Она была одета во все белое, казалась печальной и очень бледной, так как не нарумянилась. Мы тоже, вместе со всеми, вошли в церковь, но там было так много народа, что я ничего не видал. Говорят, принцесса прочитала по-русски Символ Веры, и хорошо прочитала. Церемония присоединения была для нее сокращена — из древней формулы выкинули все унижительное, в роде отказа от своих родителей, вхожденья в церковь с потушенной

³¹ Царские врата.

³² Цит. по: Екатерининский Петербург глазами иностранцев. Неизданные письма 1770-х годов. СПб., 2013. С. 28–31.

³³ Мария Федоровна (Феодоровна); до перехода в православие — София Доротея Августа Луиза Вюртембергская (нем. Sophia Dorothea Auguste Luise von Württemberg; 1759–1828) — принцесса Вюртембергского дома, вторая супруга российского императора Павла I. Мать императоров Александра I и Николая I.

свечкой, и проч. Императрица сама показала будущей невесте как следует прикладываться к иконам. Она ведь прекрасная актриса, наша Екатерина. Она в высшей степени богомольна, благочестива, нежна, величественна, деликатна, любезна... а в сущности всегда остается сама собою, то есть человеком, думающим единственно и исключительно о своих интересах, и надевающим, ради них, какую угодно маску. Вновь конфирмованная принцесса приняла имя Марии Феодоровны, вместо своего прежнего, София-Доротея»³⁴.

Корберон присутствовал также при венчании великокняжеской четы; в своих записках, составленных им в виде писем к брату и другим близким лицам, он отмечает, что 7 октября 1776 года, накануне совершения таинства, в храм прибыли императрица Екатерина II и жених с невестой. «Когда мы с маркизом приехали во дворец, сигнал из пяти пушечных выстрелов только что начался; мы приехали первые, пишет французский дипломат. — Затем начали съезжаться дамы, разодетые и усыпанные бриллиантами. Надо побывать в Петербурге, мой друг, чтобы видеть такое обилие драгоценностей. Через час вышла Императрица с их высочествами; мы поспешили в церковь, чтобы занять там сколько-нибудь сносные места. Духовенство встретило высочайших особ при входе, и когда они вышли из алтаря, Императрица взяла их высочества за руки и... но тут я перестал что-либо видеть, так как колоссальная фигура барона Юбен (Ueben) заслонила от меня весь мир. Мне стало жарко, душно и я ушел.

Но я тебе расскажу в чем состояла церемония, со слов живописца Ролэна, который все видел. Супруги приблизились к алтарю и стали читать молитвы. Затем князь Орлов держал корону над головой великого князя, а Бецкий держал другую над головой великой княгини. Князь часто переменил руку, а Бецкий держал все время одною, хотя она у него сильно дрожала. Ну, а остальное не стоит описания. Ты меня спросишь, может быть, почему, в параллель кн. Орлову, выбрали для этой церемонии Бецкого. Это потому, мой друг, что здесь незаконные дети пользуются особым счастьем. Ты ведь знаешь, я думаю, что Бецкий или Бецкой — незаконный сын Трубецкого. Незаконность происхождения здесь не приносит бесчестья, и незаконным детям дают обыкновенно часть своей фамилии: Трубецкой — Бецкой, Голицын — Лицин, и т. д. А короны, во время венчания, обязательно должны держать холостяки»³⁵.

Вполне понятно, что иностранные гости, присутствовавшие за богослужениями в дворцовой церкви, в своих записках порой уделяли больше внимания царствовавшим особам, чем богослужению. Так, известный английский историк Уильям Кокс посетил придворную церковь 10 октября 1778 года в то время, как там молилась императрица Екатерина II. «Императрица часто наклоняла голову и благочестиво крестилась»³⁶ — вот то небольшое, что оставил потомкам Кокс после посещения храма.

Более подробно описывает обстановку придворного богослужения другой современник Екатерины II — неизвестный немецкий автор, проживший в Петербурге четыре года — с 1778-го по 1782 год. Его заметки, составленные с немецкой педантичностью, относятся к сентябрю 1781 года. «Возвращаюсь ко Двору, чтобы еще раз сопровождать Государыню во дворцовую церковь, где она видимые показывает знаки своего благочестия, — пишет немецкий автор. — У нее одной было кресло за собою, ибо вообще в Русской Церкви не найти скамьи или стула и т. п., за исключением священников. Ее место в церкви значительно впереди, ближе к алтарю, в правой стороне, спереди

³⁴ Интимный дневник шевалье де-Корберона, французского дипломата при дворе Екатерины II (из парижского издания). СПб., 1907. С. 120. См. также: Из записок М. Д. Корберона // Русский архив, 1911. Кн. 2, вып. 5. С. 97 — 98.

³⁵ Там же. С. 124. См. также: Из записок М. Д. Корберона // Русский архив, 1911. Кн. 2, вып. 5. С. 99.

³⁶ Россия сто лет назад. 1778 год. Путешествие Уильяма Кокса // Русская старина, 1877. Т. 19, № 5—8. С. 28.

и сзади окружено решеткой, так что она на переднюю может опираться руками. Я, однако, видел ее всегда стоящей свободно, никогда — сидящей. К превосходной вокальной музыке придворной капеллы она была очень внимательна»³⁷.

Казалось бы, на этом можно было завершить описание молящейся императрицы и перейти к рассказу о самом богослужении. Но внешняя сторона увлекла «ученого-натуралиста» настолько, что он переступает границу разумного и его дальнейшее повествование нельзя читать без улыбки. «Когда священник что-либо читал или пел речитативом, то государыня, подобно простонародью, делала весьма глубокие поклоны верхним корпусом и при каждом поклоне крестилась трижды. Эти поклоны она делала так низко, что верхняя часть тела по отношению к ногам составляла прямой угол. Тройное осенение крестом происходило по большей части следующим образом: тремя первыми перстами правой руки начинала она первый крест со лба до живота и затем от одного плеча к другому. Второй крест доходил только от подбородка до места *des Rabels* (?). Третий, наконец, изображался только на груди. На сколько величина крестного знамения убавлялась, усиливалась быстрота движения. При последнем рука двигалась, как молния, туда и сюда и попадала на свое место, когда корпус опять приподнимался. Таких крестных знамений делала монархиня в течение получаса, пожалуй, до 50-ти и доказывала вообще во всем внешнем образе действий необычайное благочестие»³⁸.

В 1791 году в Санкт-Петербург из Берлина прибыл немецкий скульптор Иоганн Готфрид Шадов (1764—1850). О своих впечатлениях от двухнедельного пребывания на берегах Невы Шадов рассказывает в воспоминаниях, изданных в 1849 году³⁹. Благодаря содействию прусского консула Шадову удалось быть свидетелем одного из блестящих выходов Екатерины II и присутствовать на торжественном богослужении, где он увидел императрицу, молящуюся коленопреклоненно. Он также присутствовал при приеме поздравлений императрицей, где граф Остерман представлял иностранцев⁴⁰.

И наконец, завершая рассказ о дворцовой церкви в екатерининскую эпоху, приведем краткое сообщение об этом храме, принадлежащее Савве Текели, сербскому общественному деятелю, побывавшему в России в 1787—1788 и в 1811—1816 годах. «Всякое воскресение я ходил в придворную церковь, — пишет Савва Текели. — В церкви на передних местах с правой стороны становилась только царская фамилия, а с левой до 30 певчих, одетых в длинные темно-голубые платья... Один священник служил обедню, другой говорил краткую проповедь; служивший выносил царице просфору, она целовала у него руку, а он у нее, после чего Царица обыкновенно уходила... Что мне не совсем обычно было видеть в церкви, это именно ангелов, вырезанных из дерева, точно в католических церквях»⁴¹.

В годы недолгого и печального царствования императора Павла I церковь Зимнего дворца на недолгое время утратила свой статус придворной церкви. В новом Михайловском дворце была устроена церковь во имя Архистратига Божия Михаила, которая по замыслу императора и должна была стать центром церковной жизни двора. Старый храм (в Зимнем дворце) был «восстановлен в правах» лишь после воцарения Александра I.

13 января 1809 года во дворцовой церкви было совершено торжественное обручение великой княжны Екатерины Павловны, дочери Павла I, с принцем Георгом Ольденбургским; чин бракосочетания совершал митрополит Новгородский и Санкт-

³⁷ Екатерина Великая по рассказам современника-немца (1788) // Русский архив, 1911, № 7. С. 330.

³⁸ Там же. С. 330—331.

³⁹ «Kunstwerke und Kunst-Ansichten» von Dr. Johann Gottfried Schadow. Berlin, 1849. S. 15—19.

⁴⁰ Иоганн Готфрид Шадов о Петербурге // Старые годы, 1912, № 3. С. 44.

⁴¹ Савва Текели в России (1787—1788) // Русский архив, 1878. Кн. 3. С. 496—497.

Петербургский Амвросий (Подобедов). Вот что говорится об этой церемонии в записках графини Фосс: «Жених и невеста с зажженными восковыми свечками в руках стояли на красном бархатном возвышении. Митрополит в своем торжественном облачении совершал обряд, само собой разумеется, на русском языке. Он благословил их свечи; они оба приложились ко кресту и поцеловали у митрополита руку, затем царица-мать обручила их кольцами. Вид всего обряда был прекрасный, праздничный; все время богослужения присутствующие стояли. Затем началась обедня»⁴².

Представляет интерес описание Зимнего дворца, принадлежащее перу Джеймса Эдварда Александера, побывавшего здесь в 1829 году. «Зимний дворец можно уподобить целому городу, под его крышей живет семь тысяч человек. Это здание на набережной украшают ионические и коринфские колонны, оно производит наиболее сильное впечатление в Петербурге, — пишет английский офицер. — Каждый член императорской фамилии имеет во дворце свои апартаменты, которые отличаются друг от друга цветом. В залах дворца расставлены дорогие вазы из фарфора, серпентина и сибирского мрамора, роскошные малахитовые столы, каминные доски из лазурита, канделябры и зеркала. Обеденная зала представляет собой огромную комнату с круговой галереей для зрителей. В Георгиевском зале на ступенях стоит великолепный трон под балдахин, за ним — монограмма Павла I. В зале для аудиенций — другой богатый трон, позади которого выставлено оружие разных стран — польское, грузинское, сибирских народов и т. д.»⁴³.

Наконец, краткое упоминание о дворцовой церкви, после чего снова идет перечисление тамошних достопамятностей: «Дворцовая церковь очень красива: стены и потолок покрыты изящной росписью, всюду изобилие бархата и позолоты, в бриллиантовой комнате хранятся наиболее ценные украшения. В покоях наследника престола великого князя Александра можно увидеть карты земных и небесных сфер, модели крепостей и кораблей, чертежные доски и принадлежности для занятий математикой, богатую библиотеку, оружие и снаряжение молодых гренадеров, несколько велосипедов для езды по коридорам в зимнее время. В галерее висят портреты генералов, изображение Александра I в полный рост, портрет фельдмаршала герцога Веллингтона⁴⁴. Эта живопись принадлежит кисти нашего соотечественника мистера Доу⁴⁵, который недавно умер, оставив большое состояние»⁴⁶.

В 1837 году Зимний дворец — резиденцию российских императоров — постигло бедствие: сильный пожар уничтожил внутреннее убранство дворца. Придворная церковь, пострадавшая от пожара, была возобновлена к Пасхе 1839 года. Об этом событии сообщал барон Модест Андреевич Корф (1800—1872), состоявший с 1834 года государственным секретарем (в 1849—1861 годах на посту директора Императорской Публичной библиотеки он организовал отдел иностранных книг о России (Rossica)). М. А. Корф хорошо знал записки иностранцев о России, и его критические отзывы об этих трудах весьма полезны для более глубокого изучения истории православного Петербурга.

⁴² Из дневника графини Фосс // Русский архив, 1885, № 4. С. 483.

⁴³ Александр Джеймс. Россия глазами иностранца. М., 2008. С. 43.

⁴⁴ Артур Уэлсли Веллингтон (1769—1852) — герцог, английский фельдмаршал, командующий в войнах против наполеоновской Франции на Пиренейском полуострове (1808—1813). Командовал англо-голландской армией в битве при Ватерлоо (1815). В 1828—1830 годах — премьер-министр. В 1827—1852 годах — главнокомандующий английской армией.

⁴⁵ Джордж Доу (1781—1829) — английский живописец. Родился в семье гравера, окончил лондонскую Академию художеств. Александром I приглашен в Россию, где в 1819—1829 годах при участии русских художников А. В. Полякова (1801—1835) и В. А. Голика († 1848) написал более 300 портретов участников Отечественной войны 1812 года для Военной галереи Зимнего дворца.

⁴⁶ Там же. С. 43.

«В 1839 году с многознаменательным для христиан праздником Светлого Воскресения соединено было торжество и другого еще рода: освящение давно восставших из пепла, менее нежели в полтора года, чертогов русского царя, — вспоминал М. А. Корф. — Накануне, в Великую Субботу, которая в этом году совпала с днем Благовещения (25 марта ст. ст.), освящен был дворцовый собор, а в самый Светлый праздник в нем уже совершались и „утренняя глубока“, и пасхальная обедня со всем обычным блеском и великолепием придворного богослужения. Предварительно всех нас собрали в походную церковь Эрмитажа, уцелевшего, как известно, от пожара, а потом, к полуночи, оттуда двинулся крестный ход в сопровождении царской фамилии и двора прямо в собор, где немедленно началось богослужение. После обедни всем присутствовавшим от мала до велика, числом более трех тысяч человек, подано было на накрытых в огромных залах столах богатое розговение, которого для публики во дворце никогда не бывает»⁴⁷ — таково описание этого события, приведенное М. А. Корфом. При этом он не может удержаться, чтобы не выразить на бумаге свои чувства по поводу торжества, при котором он присутствовал: «Ночное шествие царственной семьи в сопровождении блестящего двора, многочисленного духовенства с крестами и святою водою и огромного хора певчих по этим сияющим палатам, так недавно еще представлявшим одни обгорелые развалины, было в высшей степени величественно и поразительно. Запустение и пепел сменились ликующей жизнью, пожиравшее пламя — огнями радости»⁴⁸.

В обновленном виде дворцовую церковь мог лицезреть маркиз де Кюстин, который 14 (2) июля 1839 года был приглашен в Зимний дворец, чтобы присутствовать при венчании дочери императора Николая I — великой княжны Марии Николаевны с герцогом Лейхтенбергским Максимилианом. Рассказывая о самом чинопоследовании, он замечает: «Обряды греческого (то есть православного. — *Авт.*) бракосочетания продолжительны и величественны. Они тем более внушительны, что напоминают обычаи первобытной (древней. — *Авт.*) Церкви. В Восточной Церкви все служит символом»⁴⁹.

Далее французский гость, как и многие другие иностранные авторы, излагает внешнюю сторону чинопоследования, перечисляет внешние атрибуты, сопутствовавшие совершению таинства бракосочетания. «Когда совершавший службу митрополит подвел молодых к их августейшим родителям, последние обняли их с трогательной сердечностью, — продолжает маркиз де Кюстин. — Перед благословением два серых голубка были впущены по обычаю в церковь; они тотчас же поместились на золоченом карнизе, выступавшем как раз над головами молодых, и там в продолжение всей службы ворковали друг с другом. Голуби очень счастливы в России: их чтут как символ Святого Духа, и убивать их запрещено»⁵⁰.

Следует с осторожностью относиться к такого рода сообщениям иностранцев, плохо знавших русские традиции. Эго ясно видно из записок российского автора, того же барона М. А. Корфа, который 16 января 1844 года присутствовал во дворцовой церкви при венчании великой княжны Александры Николаевны. «Во время церемонии я стоял между членами дипломатического корпуса, — пишет М. А. Корф. — „Где же, — спрашивали они, — голуби, которые были пущены в церковь при свадьбе герцога Лейхтенбергского и которых видел тогда Кюстин?“ — „Они родились и остались в его воображении, — отвечал я, — вы видите, что сегодня нет ничего подобного, как не было и в тот раз, и поэтому можете судить об основательности и прочих его наблюдений“»⁵¹.

⁴⁷ Освящение Зимнего дворца. Из записок Корфа // Русская старина, 1899. Т. 99. С. 13.

⁴⁸ Там же. С. 13.

⁴⁹ Записки французского путешественника Кюстина // Русская старина, 1891, январь. С. 167.

⁵⁰ Там же. С. 168–169. См. также: Маркиз де Кюстин. Николаевская Россия. М., 1990. С. 78.

⁵¹ Освящение Зимнего дворца. Из записок барона Корфа // Русская старина, 1899. Т. 100, № 11. С. 286.

Чин бракосочетания великокняжеской четы совершал владыка Серафим I (Глаголевский) (1763—1843; с 1821 года — митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский)⁵². Хотя в то время он был не так уж и стар, но болезни сделали его немощным. Это отмечает в своих записках маркиз де Кюстин: «Совершавший службу митрополит не нарушал величия этой картины; он стар; голова его убелена годами, и он кажется истомленным и больным. В конце молебна император подошел к нему и, наклонившись, с уважением поцеловал его руку. Я восхищался этим бедным митрополитом, казалось, умиравшим среди своей славы, этим императором, склонявшимся перед духовной властью»⁵³.

Так завершается рассказ де Кюстина о пребывании во дворцовой церкви во время бракосочетания великой княжны Марии Николаевны, в 1839 году ставшей супругой Максимилиана, герцога Лейхтенбергского. Другая дочь императора Николая I Александра в 1844 году была выдана замуж за принца Фридриха Гессен-Кассельского. Поэтому сразу же после православного венчания во дворцовой церкви был совершен лютеранский обряд. Барон Корф присутствовал при церемонии и сообщает о том, что обряд «совершен был вице-президентом Евангелической генеральной консистории Пауфлером в одной из зал запасной половины... При венчании по лютеранскому обряду присутствовала одна семья; и хотя двери в залу были отворены, но в них стояли гофмаршалы с жезлами, и, таким образом, не было хода для публики»⁵⁴.

М. А. Корфу принадлежит еще несколько интересных сообщений о тех инославных иерархах, которые посещали церковь Зимнего дворца. Вот что произошло в начале 1840 года при посещении Зимнего дворца главой российских римокатоликов. «Митрополит римско-католических церквей в России при дворцовых выходах в торжественные дни всегда видел царскую фамилию и был ею видим наравне с другими особами, имеющими проезд ко двору, то есть при шествии ее через парадные залы, — писал Корф. — Но в первый день нового, 1840 года занимавший тогда эту должность Павловский по окончании литургии подошел к государю, к общему удивлению, в самой церкви, вслед за нашими архиереями и прочими членами Синода. Такое нововведение произвело неприятное впечатление на умы нашего духовенства. Киевский митрополит Филарет при свидании со мною вскоре после того изъяснялся об этом как о вещи, совершенно неслыханной и неожиданной, которую, по его мнению, можно было приписать только особенной протекции к римокатолическому духовенству герцога Лейхтенбергского, незадолго перед тем вступившего в брак с Великой Княжностью Марией Николаевной. Дошло ли это неудовольствие до государя или по другим причинам, только подобное приравнение в православном храме главы римокатолического духовенства с нашими иерархами впоследствии никогда уже более не повторялось»⁵⁵.

Император должен был считаться с мнением петербургского духовенства и в дальнейшем проявлял известную осторожность, если дело касалось присутствия инославных духовных лиц за богослужениями в дворцовой церкви. М. А. Корф рассказывает и о другом подобном случае, имевшем место 25 декабря 1843 года, когда в Зимнем дворце устраивалась елка накануне Рождества. В тот день во дворец прибыл «армянский патриарх Нерсес, оказавший нам, еще в сане архиепископа, большие услуги во время присоединения Армении... <впоследствии> утвержденный государем по народному избранию в патриаршем сане. Вскоре за сим пожалованием Нерсес приехал летом 1843 года в Петербург»⁵⁶.

⁵² Подробное изложение этого таинства изложено в главе «Бракосочетание» (приложение 1).

⁵³ Там же. Записки французского путешественника Кюстина // Русская старина, 1891, январь. С. 171.

⁵⁴ Из записок барона Корфа // Русская старина, 1899. Т. 100, ноябрь. С. 186.

⁵⁵ Там же. Т. 99, август. С. 271—272.

⁵⁶ Там же. Т. 100, ноябрь. С. 282.

Несмотря на то, что патриарх Нерсес был стар и болен, «желание его было присутствовать при литургии в алтаре, — пишет Корф. — По справке с архивами оказалось, что присутствовавшие при коронации императора Николая I (в Москве. — *Авт.*) два армянских архиерея стояли в Успенском соборе вне алтаря, с публикой, что Государь приказал сделать и в этот раз. Таким образом, Нерсес поставлен был в церкви перед царским Двором, непосредственно за Великими Князьями, в сопровождении своего спутника и пестуна — одного из братьев Лазаревых. Эта черная с головы до ног фигура, в остроконечном своем клобуке, производила посреди блестящих придворных мундиров необыкновенно поразительный эффект»⁵⁷. При этом необходимо добавить, что при последующих богослужениях патриарху было разрешено находиться в алтаре вместе с православным духовенством⁵⁸.

Иностранные гости, посещавшие церковь Зимнего дворца, неизменно восхищались ее внутренним убранством. Вот как выглядел интерьер храма после реставрации, произведенной в 1837—1839 годах: «Алтарь отделен от храма трехъярусным деревянным иконостасом, посередине наверху украшенным почти в натуральную величину деревянным золоченым резным Распятием с предстоящими при нем тоже в натуральный рост евангелистом Иоанном и Божиею Материю. В алтаре над престолом устроена деревянная сень на 8-ми золоченых колоннах; плафон этой сени составляет изображение на холсте Святого Духа. Главную святыню храма составляют: крест из древа Живоворящего креста Господня, образ Божией Матери, писанный евангелистом Лукой, десная рука святого Иоанна Крестителя и рука великомученицы Марины»⁵⁹.

Дореволюционный период истории придворной церкви можно завершить отрывком из книги Теофиля Готье. «Сначала проходит церковная служба в часовне дворца, — повествует Готье. — Встав подальше от колонны, я с уважением и интересом наблюдал ритуал этого не известного мне богослужения, отмеченного печатью таинственного восточного величия. Время от времени в положенные моменты священник, почтенный старец с длинной бородой и длинными волосами, с митрой на голове, облаченный в твердый от вышивки серебром и золотом стихарь, поддерживаемый двумя церковными служками, выходил из алтаря, врата которого открывались, и старческим голосом, но еще очень отчетливо и ясно произносил священные слова. В то время как он читал свои молитвы, в алтаре сквозь сияние золота и свечей видны были император и члены его семьи. Затем золотые врата вновь закрывались, а служба продолжалась перед сияющим иконостасом»⁶⁰.

После 1917 года Зимний дворец открылся для посетителей в качестве музея — в дополнение к всемирно известному Эрмитажу. Долгие годы в помещении придворной церкви располагалась экспозиция западноевропейского фарфора. При ее устройстве был демонтирован резной позолоченный иконостас, убраны большой художественной ценности иконы. И сегодня, когда страна начинает излечиваться от исторического беспамятства, возникает вопрос, поставленный в начале 1991 года на страницах печати: «Где все это богатство? Уничтожено, как это случилось с иконостасами большинства закрытых петербургских храмов? Продано? Или сохранено и находится в фондах музея? И ответ на этот вопрос может быть лишь один: если иконостас цел, то есть прямой смысл вернуть его на прежнее место и тем самым возратить замечательному по своей отделке интерьеру его исторический облик»⁶¹.

⁵⁷ Там же. С. 283.

⁵⁸ См.: Там же. С. 283. Примечание.

⁵⁹ Лавры, монастыри и храмы на Святой Руси... Отд. II. С. 92.

⁶⁰ Готье Теофиль. Путешествие в Россию. М., 1988. С. 88.

⁶¹ Ленинградская правда, № 39—40, 16.02.1991.

Приложение. Леусская Людмила. Когда Даная покинула церковь // Санкт-Петербургские ведомости, 14.05.2021. С. 3.

Эрмитаж открыл для публики отреставрированную Малую церковь Зимнего дворца. Ей вернули пышное золоченое барочное убранство, о существовании которого не имели представления посетители и в какой-то мере даже специалисты. Церковь находилась за неприметной дверью на площадке лестницы, которой когда-то сама подарила название — Церковная. Еще несколько лет назад в этом помещении размещались реставрационные мастерские музея. В частности, там реставрировали «Даная» Рембрандта.

Малая церковь — место уникальное, она старше Зимнего дворца. Для Анны Иоанновны ее построил Растрелли, а освятил в 1735 году архиепископ Новгородский Феофан Прокопович. По сохранившимся планам, ее площадь тогда была много больше, в нее входила Ротонда и Большая церковная лестница.

Императрица Елизавета Петровна пожелала иметь Большую церковь рядом с личными апартаментами, а предыдущую сохранить, изменив до нынешних размеров. При Николае I церковь получила статус собора, в ней ежегодно 14 декабря совершалась служба в память трагических событий, связанных с восшествием этого императора на престол.

Пожар 1837 года в Зимнем дворце храм не пощадил. Николай I повелел восстановить его в прежнем оформлении, что и сделал архитектор Василий Стасов. В дальнейшем существенных изменений в архитектурно-декоративное оформление не вносилось.

После революции алтарь был разобран, стены и потолок закрашены. В 1929 году Эрмитаж передал помещение Музею революции для лектория. Тогда же был разобран иконостас, сняты настенные образы святителей церкви, заложен дверной проем в Ротонду.

В 1948—1949 годах в Малой церкви проходила реставрация. Практически все элементы декора, напоминающие о былом назначении этого помещения, были удалены. Но, как выяснилось, декоративное убранство полностью не уничтожено. Реставраторы послевоенной поры сделали все возможное, чтобы сохранить для потомков оригинальную отделку.

Современные реставраторы обнаружили неожиданную даже для опытных мастеров сохранность исторического декора. Слои за слоем удаляя с поверхности стен и архитектурных деталей белую и бронзовую краску, они открывали блеск подлинного золота. Расчистка плафона «Сошествие Святого Духа на апостолов», написанного живописцем Николаем Майковым, показала, что холст и красочный слой в хорошем состоянии, практически без утрат. Головки херувимов из папье-маше, отдыхающих на облаках, были аккуратно сняты и хранились в музее. Их отреставрировали и установили на место. Отреставрирован и паркет, воссозданный после пожара Стасовым по проекту Людвиг Шарлеманя.

Иконостас и утраченные настенные иконы решено не восстанавливать. Для этого недостаточно иконографического материала. Из 16 икон сохранилось две, они находятся в Русском музее.

Любопытная подробность: у Малой церкви Зимнего дворца нет свода. Над ней расположена Бриллиантовая кладовая. Но в паркетном полу обнаружен люк, под ним лестница ведет в небольшое помещение с низким потолком. Возможно, оно предназначалось для хранения ценностей.

Contents

Prose and Poetry

- Dmitry Zinoviev.** Poems • 3
Alexey Gryakalov. Guardian and Advisor. *Witness Novel* • 8
Sasha Nemirovsky. Poems • 91
Anatoly Valevsky. *Tirex. Story* • 97
Natalia Kravchenko. Poems • 133
Evgeny Mamontov. Priest. *Short story* • 137
Alexander Dyachkov. Poems • 154
Valery Sosnovsky. Poems • 157

Universe of Childhood

- Olga Mishurovskaya.** Puppet Wedding. *Short story* • 161

Publicistic Writings

- Vladimir Spector.** Marathon Contenders for Victory • 169

Criticism and Essays

- Vyacheslav Vlaschenko.** The Mystery of Prophecy in „The Song of the Prophetic Oleg“ by A. S. Pushkin • 192

Petersburg Bookman

- Territory of Memory.** *Alexander Melikhov.* Spirituality and Aristocracy. Art of Reading. *Calle Casper.* The Boredom of Eternity. Notes on the Work of Asimov. **Book Island.** *Elena Zinovieva's Publication* • 221

Pilgrim

- To the 350th Anniversary of Peter the Great.* **Archimandrite Augustine (Nikitin).** I Love you, Peter's Creation! *Part 6* • 240

Издатель: Общество с ограниченной ответственностью «Журнал „Нева“»
Адрес редакции: Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 18
Почтовый адрес: 191186, Санкт-Петербург, а/я 9
Телефон: (812) 314-50-52
E-mail: nevaredaction@mail.ru; nevaredaction@yandex.ru

Сайт «Невы» в «Журнальном зале»: <http://magazines.russ.ru/neva>
Ресурс в сети Интернет: <http://nevajournal.ru>

Подписку на журнал «Нева» на территории РФ осуществляет агентство «Роспечать» по каталогу ОАО «Роспечать», подписной индекс 73276.

Свежие номера журнала, а также отдельные номера за последние годы можно приобрести:

в Санкт-Петербурге – в редакции журнала «Нева» (наб. р. Мойки, 18, тел. 312-49-23); **льготную подписку** можно осуществить непосредственно в редакции журнала (наб. р. Мойки, 18, тел. 312-49-23).

За рубежом подписку на журнал осуществляет АО «Международная книга» (117049, Москва, Большая Якиманка, 39, телефакс: (495) 230-21-17, 238-46-34).

Оптовая и мелкооптовая продажа: Санкт-Петербург, ООО «Журнал „Нева“», e-mail: officeneva@mail.ru

Почтовую рассылку отдельных номеров журнала и книг издательства журнала «Нева» на территории РФ осуществляет редакция. Заказ можно оформить на сайте издательства: <http://nevajournal.ru/book.html>

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-83135 от 26 апреля 2022 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Учредитель: ООО «Журнал „Нева“»

Сдано в набор 19.04.2022. Подписано в печать 24.05.2022.
Выход в свет 07.06.2022. Гарнитура «Октава».
Формат 70×108¹/₁₆. Объем 16 печ. л. Печать офсетная.
Тираж 1500 экз. Свободная цена. Заказ № 1082

Адрес издателя ООО «Журнал „Нева“»: Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 18

Отпечатано по технологии СтР
в Санкт-Петербургском филиале ФГБУ «Издательство „Наука“»
Адрес типографии: 199034, Санкт-Петербург, 9-я линия В. О., 12/28, лит. А